

Myfsta

Коллекционер

Ты станешь жемчужиной моей коллекции...или умрешь.

Слоган: Ты станешь жемчужиной моей коллекции...или умрешь.

Итак, давайте продолжим, — я одернула жакет и выпрямила спину, стараясь придать себе как можно более невозмутимый вид. Вот уже битый час торчу в загородном доме новомодного московского художника, но получаю одинаковые, будто под копирку ответы, слово в слово повторяющие все его предыдущие интервью. Я начала всерьез волноваться: мой редактор не погладит меня по головке, когда увидит материал, словно переписанный из других источников.

Раньше у меня никогда не возникало подобных проблем — творческие люди охотно рассказывали о себе, мне же оставалось лишь включить диктофон и делать пометки в блокноте. Но сегодня все было иначе.

На каждый вопрос слышу, будто заученный текст: родился в Москве, занимался живописью, но не проявлял особых талантов. После путешествия на Гаити «открыл себя заново», как утверждает сам художник. Начал писать картины, которые продаются на закрытых аукционах за баснословные деньги. В интернете нет изображения ни одного его полотна, коллекционеры не желают выставлять напоказ приобретенные холсты, и это еще больше подогревает интерес общественности к Даниле Покровскому.

Когда самого художника спрашивают, о чем его работы, он отвечает загадочно: «о жизни», — и пресекает любые дальнейшие расспросы.

Но от меня не так-то просто отделаться — я уже достаточно долго работаю журналистом и обладаю неплохой хваткой.

Так, мне нужно срочно что-то придумать, задать ему вопрос, кардинально отличающийся от тех, что задавала раньше. Необходимо вытащить его на эмоции, зацепить, тогда дело пойдет легче.

Я поправила свои длинные светлые волосы, которые как всегда были стянуты в аккуратный пучок на затылке и, прокашлявшись, произнесла:

Данила, вы — талантливый художник, который совсем недавно вернулся в Россию и приобрел бешенную популярность. Вас называют по-разному: «гений нашего времени», «темная лошадка», «загадочный творец, работы которого покрыто мраком». А как бы вы сами охарактеризовали себя? — Я вопросительно взглянула на высокого худощавого мужчину, который сидел напротив. Он, казалось, и не думал мне отвечать, а, вальяжно раскинувшись в кресле, перебирал свои длинные, рыжие волосы, окидывая меня оценивающим взглядом. Я внутренне напряглась, и тут же насмешливая улыбка заиграла на порочных губах художника.

Хотя почему я выбрала именно слово. Хм... «порочные»?

Нет.

Губы как губы, я бы даже не назвала их обладателя красивым, а значит, и о губах упоминать не стоит. Данила вообще не подходил под определение «мачо», но, несмотря на это, мой взгляд помимо воли, раз за разом возвращался к его худощавому аристократическому лицу. Я не могу не отметить, что сидевший передо мной мужчина был

весьма экстравагантен: начиная от длинных, ниже плеч, огненно-рыжих волос, и заканчивая одеждой мрачно-черного цвета. Экстравагантен, притягателен и не более того!

Коллекционер.

Простите?

Вы спросили: как бы я охарактеризовал себя. Так вот — это мой ответ, — улыбнулся Данила, окидывая дерзким взглядом мою фигуру. «Зря сегодня надела платье», — пронеслось у меня в голове. Хотя, может, если я ему приглянусь, он разоткровенничается и расскажет хоть что-то интересное?

Хм, довольно странно для художника, чьи картины продаются по всему миру, или я чего-то не знаю?

Вы чего-то не знаете...

Та-ак, хорошо, хоть какие-то сдвиги в интервью.

Хочешь, чтобы я выспрашивала, милый? Без проблем, это — моя работа, и для этого я здесь.

Как я понимаю, у вас есть некая коллекция?

Вы правы.

Так расскажите же мне о ней! — готовясь к интервью и собирая материалы, касающиеся художника, я нигде не встречала упоминаний о его коллекции. Так, а дело принимает интересный оборот. Вместо нудной статьи о таинственном мужчине, где не будет ни одного нового факта, я могу заполучить сенсационный материал. Ха, да мой редактор будет плясать от радости!

Это нужно показывать, словами объяснить очень тяжело, — усмехнулся мужчина и откинулся в кресле, скучающим взглядом рассматривая цилиндр и трость, что лежали на журнальном столике неподалеку. Да, что ни говори, а «кадр» действительно экстравагантный, одна черная одежда и атрибутика чего стоят. Хотя, может он просто пытается выглядеть неординарным, чтобы привлечь к себе как можно больше внимания? Лучше бы продолжал рассматривать меня, а не эти бесполезные предметы, которые больше подойдут наезднику на скачках.

Хорошо, тогда покажите.

Ника, вы действительно хотите этого?

Да...

Насколько сильно?

Что?

Насколько сильно вы хотите увидеть мою коллекцию?

Эм...Достаточно сильно, чтобы вы мне ее показали, — одарила я Данилу своей самой очаровательной улыбкой. Мужчина неспешно встал и, сократив расстояние между нами, уселся на подлокотник моего кресла, нарушая все нормы приличия и бесцеремонно вторгаясь в мое личное пространство.

Мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть лицо собеседника. Рыжие пряди упали на лоб, он улыбался, пристально глядя на меня и будто прожигая своими серыми холодными глазами.

Хм, а он не лишен очарования, пронеслось у меня в голове. Вот тебе и ответ на вопрос, который мучил меня все интервью: как этот мужчина, с внешностью весьма далекой от стандартного понимая «красавчик», имеет столь бесчисленное количество любовниц. Деньги, конечно, многое решают, но тут явно было что-то еще.

А вы очень забавная, когда пытаетесь флиртовать, — несмотря на весьма обычную фразу, тон, которым Данила произнес ее, заставил мои нервы напрячься.

Я... я не флиртовала.

Да? Как вам будет угодно, — ленивая улыбка коснулась его губ. У меня пересохло в горле, буквально кожей я ощущала исходившую от этого мужчины угрозу. Нужно срочно менять тему разговора, пока дело не приняло серьезный оборот.

Цилиндр и трость. Не слишком ли старомодно? — я кивнула в сторону журнального столика, уж лучше вновь вернуть разговор в привычное русло интервью. — Любите эффектные появления?

Скорее, я — человек привычки.

Откуда у двадцатилетнего мужчины привычка носить цилиндр?

Это долгая история. Не думаю, что хотел бы вам ее рассказать... сейчас...

Почему нет?

Потому что вы хотите увидеть мою коллекцию.

Да, верно.

У меня одно условие. Выполните его, и я покажу вам картины.

О, картины, так все-таки он коллекционирует живопись. Очень интересно.

Что за условие?

Выпейте со мной.

Выпить?

«Что ж это за коллекция, на которую нельзя смотреть в трезвом виде?» — Я с трудом подавила нервный смех.

Данила тем временем легко поднялся на ноги и, подойдя к огромному стеклянному шкафу, достал бутылку янтарной жидкости и два бокала. Через минуту он уже разливал напиток, а я гадала, что же это: виски, коньяк? Приняв бокал, вопросительно приподняла бровь.

У меня довольно специфические пристрастия, но, надеюсь, вам понравится.

Эх, ладно, чтобы получить хороший материал для статьи, я готова выпить что угодно.

Пригубив напиток, тут же закашлялась, чувствуя горечь на языке. Огненная жидкость обожгла нёбо, лишив на мгновение способности дышать. Ром, причем не самого лучшего качества. И это предпочитает пить человек, который может себе позволить самый дорогой алкоголь на свете? Откашлявшись, я оставила бокал и, стараясь придать своему лицу как можно более невозмутимый вид, проговорила:

Ну вот, теперь мы можем посмотреть коллекцию.

Оставлять ром недопитым — плохая примета. Мы выпьем все до дна, и я покажу вам картины.

Вы решили напоить меня?

Данила прищурился и рассмеялся, вновь присаживаясь на подлокотник моего кресла.

Давайте сыграем в игру: я задаю вам вопрос, если не желаете отвечать, делаете плоток, отвечаете — я отпиваю из вашего бокала.

Хорошо, но после каждого вашего вопроса, я задаю свой.

Ника, а вы умеете торговаться. Договорились. Итак... Вы девственница?

Нет, — довольно ухмыляюсь, наблюдая как Данила, наклонившись, касается губами стакана, который я все еще держу в руках. Пригубив ром, мужчина выпрямился, ожидая моего вопроса, и я не заставила себя ждать:

Что изображено на ваших картинах?

Люди. Такие, какие они есть на самом деле. С их пороками, страхами, тайными желаниями, которые они, порой скрывают даже от самих себя.

Но...

Т-с, теперь моя очередь, — Данила окинул меня взглядом и многозначительно улыбнулся.

Какая ваша любимая поза в сексе? — я молча отпила из бокала, стараясь не морщиться.

Хрипло рассмеявшись, мужчина пробормотал:

Я не сомневался...

Почему люди покупают ваши картины и не показывают их общественности?

Не хотят, чтобы весь мир увидел их истинное лицо.

В голове крутился еще миллион вопросов, а ром будоражил кровь, подогревая интерес к экстравагантному мужчине, что сидел недопустимо близко, так, что я чувствовала его обжигающее дыхание на своем лице.

Ника, у вас есть тайные желания? Фантазии, о которых вы никому не рассказываете?

Видимо, алкоголь придал мне смелости.

Это же вы у нас мастер видеть людей насквозь, так что не вижу смысла отвечать, — дерзко взглянув в серые глаза Данилы, я осушила бокал и поставила его на журнальный столик.

Я хочу увидеть коллекцию.

Пройдемте, — стараясь не замечать на себе наглый взгляд, который будто раздевал меня, я встала с кресла. Не могу сказать, что мне были противно столь фамиллярное поведение Данилы и его недвусмысленные намеки — творческие люди не отличались особой сдержанностью в своих желаниях, и я уже привыкла к этому. К тому же, не буду врать, что этот мужчина был мне противен — он одновременно интриговал и волновал меня. Нет, я не собиралась прыгать к нему в постель, но столь откровенное проявление желания очень льстило моему самолюбию, хотя я сама не до конца понимала почему.

Небольшая полутемная комната на втором этаже. Окна задернуты черной тканью, чтобы не допустить контакта картин с солнечным светом, а на стенах висят полотна. Я насчитала с десятков холстов, написанных в разных стилях, но объединенных одной весьма интересной деталью: на всех картинах были изображены женщины, обнаженные женщины. Значит, Данила не обманул меня, он действительно обладает весьма любопытной коллекцией.

Как вы выбираете художников, чьи картины попадут в вашу коллекцию? — дверь позади меня закрылась, издав тихий щелчок, и я услышала шепот у самого уха:

Я — автор всех этих полотен.

Но... Они же написаны в разных стилях... — не верилось, что я смогла своими глазами увидеть работы Данилы — раньше это не удавалось ни одному журналисту.

Я весьма недурно умею подражать мастерам старой школы.

И как давно вы...

Тс-с. Сейчас я хочу поговорить о вас, — он быстро развернул меня лицом к себе и, подтолкнув, прижался теснее, так, что я оказалась в ловушке, зажатая между стеной и его телом.

Обо мне? — мужская ладонь коснулась шеи, заставляя вздрогнуть, а пристальный взгляд

подчинял, вынуждая забыть о сопротивлении. Боже, какие у него руки, от каждого шелковистого прикосновения меня буквально прошибает током.

Зачем вы прячете свои прекрасные локоны в этот уродский пучок? — чувствую, как Данила пальцами зарывается в мои волосы, распуская тугой узел. Борюсь с желанием прикрыть глаза, подчиниться неге, которая неспешно разливается по всему телу. Со мной такое впервые, он будто опутывает меня сетями: своим хриплым голосом, властным взглядом и неспешными ласкающими прикосновениями.

Ника, откуда у вас привычка скрывать свое великолепное тело под столь ужасными платьями? Я все интервью мог думать лишь о том, как вы выглядите без этих тряпок, — его вторая рука медленно скользит по моей шее вниз. Подушечки пальцев дерзко ласкают нежную кожу над вырезом платья... Это на мгновение отрезвляет.

Так, стоп, это уже перебор! За кого он меня принимает, раз позволяет такие вольности по отношению к совершенно незнакомой женщине?! Пытаюсь сфокусировать затуманенный взор на лице Данилы и замираю, осознав, что проиграла. Его лицо напряжено, челюсти крепко сжаты, а в глазах пляшут черти от едва сдерживаемого возбуждения. Боже, передо мной будто свирепый зверь, готовый в любой момент наброситься на свою жертву, растерзав ее. Никогда не видела столь откровенного желания на лице мужчины, это заставляет кровь быстрее бежать по венам.

Не надо... — прошептала жалобно, вжавшись спиной в стену позади, понимая, что сил оттолкнуть Данилу, у меня попросту нет.

Почему «не надо»? Вы же хотели узнать мои мысли, верно? Хотели вывести меня на эмоции. Я лишь исполняю ваши желания.

Я не хочу этого слышать.

Нет? Уверены? И вы не становитесь влажной, осознавая, что я до ужаса хочу вас? Что единственное, о чем я могу думать последние пару часов — как вы будите лежать обессиленная, абсолютно нагая на моей постели после того, как я...

Хватит, это выходит за рамки интервью... — я не узнала собственный голос, казалось, он вместе с телом, предали меня, решив теперь подчиниться этому мужчине, с губ которого срывались порочные слова, а руки терзали податливое тело. Он обольщал меня, не разводил на секс, а именно обольщал, играя с моими желаниями, как опытный кукловод.

Неужели не хотите узнать, что именно я хотел бы сделать с вашим прелестным телом? С телом, которое создано для наслаждения. Скажите, Ника, давно ли вам доставляли удовольствие? Не тот суррогат, который дает мгновенную разрядку, а медленное, нестерпимое, граничившее с болью блаженство. Настолько порочное, что вам кажется вы умрете, если оно прекратится. Заставляющее вас умолять о продолжении... Делая покорной и податливой в опытных, мужских руках...

Ему не нужно было даже прикасаться ко мне, голос уже был подобен эротической ласке и пьянил похлеще рома.

Нет... — прошептала на выдохе, чувствуя, как низ живота обдало жаром, а между ног стало влажно. Возбуждение накатило с новой силой, когда Данила обхватил мою грудь, поглаживая сосок сквозь плотную ткань платья. «Неужели выпитый ром заставляет мое тело так реагировать на ласки совершенно незнакомого мужчины?» — пронеслось в голове, но в следующую минуту я забыла обо всем, так как вновь услышала сводящий с ума шепот:

Одно слово, и я сделаю так, что ты будешь сходить с ума от вожделения. Я возбуждаюсь от одной мысли, что ты влажная, изнывающая от желания, будешь лежать на моей постели, и

я смогу в полной мере насладиться этим великолепным телом, — меня накрывало все сильнее от каждой фразы. Перед глазами вспыхивали эротические образы, о которых мне нашептывали порочные губы моего мучителя.

Закусив губу, чтобы сдержать рвущийся наружу стон, закрываю глаза. Видимо, приняв это за капитуляцию, Данила тут же приступил к активным действиям. Одной рукой он касался моей шеи, неспешно поглаживая, будто успокаивая и одновременно наслаждаясь моментом моей полной беспомощности, другой — скользил вниз, по животу, пока не коснулся подола платья. Мужские пальцы бесцеремонно пробрались под юбку, лаская чувствительную кожу внутренней поверхности бедра. Я растворялась в этих неторопливых прикосновениях, желая, чтобы Данила быстрее приступил к более решительным действиям. Но он медлил, будто ожидая моего согласия.

Скажи «да», и я нарисую твой портрет, осуществлю твои самые грешные фантазии и воплещу в жизнь потаенные мечты...

«Нарисую портрет» — эта мысль заставило тело напрячься. Он что, рисует всех своих любовниц? Стать еще одной женщиной из Данилиного списка побед мне не хотелось.

Нет...

Нет? — Насмешливый взгляд замирает на моих приоткрытых, будто молящих о поцелуе губах.

Не хочешь? — отрицательно качаю головой, так как сил, чтобы вновь солгать, у меня попросту нет. Данила проникает пальцами под ткань трусиков и, не давая опомниться, касается там, где мне уже нестерпимо горячо. Выгибаюсь всем телом, чувствуя, как умелые пальца ласкают влажные складки, слегка задевая клитор.

Обманщица, твое тело говорит иное, — выдохнул Данила у самых моих губ и продолжил ласкать возбужденную вожделением изнывающую плоть. Пульсирующая боль между бедер все нарастала, я тихо стонала, кусая губы, боясь, что не выдержу и начну умолять своего мучителя сжалиться, взять меня так, как он обещал всего несколько мгновений назад.

Ты показала мне дерзкой и достаточно умной, чтобы суметь признать очевидные вещи, — настойчивые движения пальцев замедлились, давая мне возможность вздохнуть. Но тело не выдержало и минуты. Раскачивая бедрами, я старалась вернуть прежний бешеный ритм, который почти подвел меня к оргазму.

Твой ответ все еще «нет»?

Я сдалась, и в тот момент, когда уже готова была сказать «да», на улице раздался гудок автомобиля. Встрепенувшись, открываю глаза, не зная радоваться или огорчаться, что такси, которое я заказала на восемь вечера, приехало ровно в срок.

Видя мое смятение, Данила склонил голову, и я поняла, что пропала, впервые ощутив его губы на своих. Греховный вкус этого поцелуя, смешанный с горьковатыми нотками рома сводил с ума. В нем было все: страсть — бешенная, неконтролируемая, и обещание наслаждения — такого, о котором я даже не подозревала. Мужчина ласкал, покусывал мои губы, будто не мог насытиться, будто ему было мало этого будоражащего кровь поцелуя.

Сигнал автомобиля заставил нас оторваться друг от друга.

Ника, останься, и я заставлю тебя кричать от удовольствия. Ты сорвешь голос, когда я буду брать твое роскошное тело... жестко, глубоко, во всех возможных позах, раз за разом доводя тебя до оргазма...

Мучительное предвкушение заставило меня громко застонать, тело сгорало на

медленном огне страсти, мысли путались. Не знаю, откуда я нашла в себе силы ответить:

Мне нужно идти... — прошептала, чувствуя, что Данила продолжает искусно ласкать меня между бедер.

Трусиха, мое предложение все еще в силе. Если перестанешь скрывать свои истинные желания и захочешь принадлежать мне по-настоящему. Я буду ждать.

А потом он отпустил меня, вот так просто, без малейшей попытки применить силу или продолжить убеждать.

На ватных ногах я спустилась на первый этаж, прихватив сумочку и диктофон, и вышла из особняка. Добравшись до своей квартиры, наполнила ванну и, погрузившись в горячую воду, включила диктофон. Звуки хрипловатого мужского голоса завораживали, я сама не заметила, как начала ласкать свое тело, касаясь в тех же местах, где совсем недавно чувствовала пальцы Данилы.

«Ника, у вас есть тайные желания? Фантазии, о которых вы никому не рассказываете?» — я тут же кончила, понимая, что отныне этот мужчина стал моей тайной сексуальной фантазией.

***

Выдержала я три дня.

Три дня постоянных эротических фантазий и развратных снов, сюжету и разнообразию поз которых позавидовал бы любой порнофильм. Ругая себя, что оказалась такой трусихой и сбежала, я пыталась забыть экстравагантного художника, но, несмотря на это, он продолжал каждую ночь будоражить мои тело и мысли. На третий день не выдержала и, дозвонившись агенту Данилы, запросилась на еще одну встречу.

Когда я подъехала к дому, входная дверь оказалось приоткрытой. Зайдя вовнутрь, с удивлением обнаружила, что никто не встретил меня в холле, как в прошлый раз.

После недолгих поисков я нашла хозяина особняка в мастерской. Он сидел за мольбертом, длинные волосы стянуты в тугий хвост, в руках — кисть и палитра.

Ты пришла, — его губы тронула едва заметная улыбка, а глаза потемнели. Сегодня я выглядела вовсе не так, как в нашу прошлую встречу, и, судя по заинтересованному взгляду Данилы, он это заметил. Готовясь к визиту, я распустила длинные, ниже плеч, волосы, оставив их золотым водопадом небрежно спадать на плечи и спину, надела короткое вызывающее платье, которое больше года ждало своего часа в шкафу. Решив кардинально сменить образ, руководствуясь наставлениями Данилы, я пошла ва-банк.

Мы оба молчали. Я не знала, что сказать, и нервно перебирала пальцами шелковистую ткань красного платья. Все заготовленные фразы, которые выдумывала по дороге сюда, вылетели из головы, как только я вновь увидела этого мужчину.

Согласна на мои условия? — я кивнула и шагнула вперед, боясь, что сомнения вновь одолеют меня и заставят отступить.

Тогда раздевайся, — нервно сглотнув и опустив голову, пытаюсь скрыть румянец смущения, я медлила в нерешительности. Хм, неплохо, если бы он сам раздел меня, но отступить было некуда, я уже согласилась. Хотя, если вспомнить, что я позволяла Даниле в первую встречу, играть в скромницу было уже поздно. То, что сейчас происходило между нами, было ужасно возбуждающе и настолько же неправильно, что я едва держалась на ногах, от противоречивых эмоций. Медленно стянув с себя всю одежду, под напряженным взглядом Данилы, я нерешительно шагнула вперед, сокращая расстояние между нами.

И тут же почувствовала сильные мужские руки на своем теле. Он поднял меня и перенес

на кушетку, стоявшую в углу. После этого я перестала что-либо анализировать, полностью захваченная ощущениями.

Жадные поцелуи смешиваются с тихими вздохами и громкими стонами. Разгоряченные тела не знают норм и приличий, сменяя позы в безудержной жажде удовольствия. Начисто забыв о праведности, впервые в жизни отдаюсь наслаждению с такой беззаветной страстью, что принимаю грубость и нежность своего любовника с одинаковым восторгом.

Данила не соврал, он, будто знал все мои мысли и желания, воплощая в жизнь самые порочные фантазии, в которых я боялась признаться даже самой себе.

Чувственные ласки и жёсткие прикосновения сменяли друг друга, заставляя пламя бешеного желания растекаться по всему телу. Я кричала, царапалась, извивалась, чувствуя глубоко внутри резкие толчки напряженной плоти. Данила двигался, задавая ритм, сминая мои губы властными поцелуями, а я могла лишь подчиняться, мечтая, чтобы эта пытка наслаждением никогда не закончилась. Мы будто дикие звери не могли насытиться друг другом, едва закончив, вновь начиная древний, как сама жизнь, ритуал.

Он был неутомим, раз за разом доводя меня до оргазма языком, губами, а потом, раздвигая мои ноги и жестко проникая до упора, заставляя умолять о пощаде и одновременно желать большего.

После той ночи я не могла уйти, даже если бы и захотела. После такого не уходят...

Мы почти постоянно занимались сексом, самым потрясающим сексом за всю мою жизнь, а после обеда, когда я чуть приходила в себя, Данила рисовал меня.

Я сгорала от неизвестности, лежа на белоснежных простынях, перекинув тяжелую гриву волос через плечо. Абсолютно нагая, сходявшая с ума от любопытства, ведь художник запрещал мне видеть портрет до полной его готовности.

Однажды, готовясь ко сну, стоя перед огромным во всю стену старинным зеркалом, я почувствовала, как сильные руки обвивают меня, развязывая тесемки халата. Улыбнувшись отражению Данилы, я зачарованно наблюдала, как он освобождает от одежды мое тело, жадно лаская шелковистую кожу.

Моя... — прорычал, поглаживая напряженные соски, скользя руками вниз к плоскому животу. Я действительно была его — с припухшими губами и растрепанными волосами, податливая и готовая на все, будто марионетка в опытных руках кукловода.

Когда я увижу портрет?

Скоро.

Скажи мне, хоть в каком стиле ты рисуешь? — простонала, когда умелые пальцы коснулись моей возбужденной плоти, и, откинув голову на плечо Данилы, наблюдала в зеркало за этим эротическим действием. Скромность? Стыд? Я уже давно позабыла эти слова, научившись всецело отдаваться похоти. Осторожно поглаживая влажные складки, заставляя меня кусать губы от удовольствия, он ответил:

Прерафаэлитизм, ты будешь моей Леди Годивой, — я вскрикнула, когда его пальцы, нежно лаская, легли на мой клитор. Встретившись взглядом с Данилиным отражением, я только сейчас заметила, как потемнели его глаза, став практически черными. В полутьме комнаты я напряженно вглядывалась в мужское лицо, по которому пробегали неясные тени. Заметив это, Данила резко повернул меня к себе лицом, закрывая рот поцелуем, но я отстранилась, испуганная тем, что только что увидела.

Кто ты?

А ты как думаешь?

Дьявол?

О нет, куколка, я всего лишь барон.

Барон? Но твои глаза... в зеркале... причем тут титул?

Барон Самеди. Всего лишь скромный помощник ее Величества Смерти.

То, с каким спокойствием он это говорил, убедило меня в абсолютной серьезности мужчины (если его вообще возможно было назвать таковым). В глубине души я давно подозревала, что простой смертный не может быть столь неутомим и вынослив. Пусть я и не решалась озвучить свои мысли, понимая, насколько они нелепы, но за последние несколько месяцев частенько возвращалась к ним.

Самеди? Но это же что-то из религии Вуду, ты-то какое имеешь к этому всему отношение?

Вспомни, где путешествовал этот болван. Гаити. Я думал, ты умнее, куколка.

Этот болван? Так ты... ты... Нет, ты, видимо, смеешься надо мной! — я попыталась вырваться из сковывающих объятий, но не тут то было. Лицо Данилы вновь потемнело, а глаза стали черными, будто угли.

Ты правильно поняла. Сопляк захотел всемирной славы и признания в обмен на свою душу, естественно. Кто ж знал, что он умрет от тропической лихорадки, через две недели? И тогда я решил развлечься, — я до конца не могла поверить в правдивость слов, но изменения в лице Данилы, которым позавидовали бы любые спецэффекты из фильмов ужаса, убеждали меня, что это правда. Хорошо, что я редко поддаюсь эмоциям, пытаюсь найти логическое объяснение всему происходящему, но даже мои нервы не выдержали. Меня начало знобить, я медленно выдохнула, стараясь не поддаваться панике.

И... А что же теперь будет со мной? Ты убьешь меня?

С чего ты взяла? Зачем мне убивать столь желанную смертную? Я дорисую твой портрет, и ты навечно останешься в моей коллекции... Вернее, твоя душа, — хладнокровие, с которым были сказаны последние слова, повергли меня в шок.

Зачем тебе моя душа? Зачем убивать меня?

Да что ты заладила про убийство! — раздраженно бросил мужчина, окидывая меня ледяным взглядом. — Я предлагаю тебе вечную жизнь. Я запечатлел твой лик на холсте, а когда закончу, ты будешь навечно принадлежать мне. Только подумай: вечно молодая, неподвластная времени и смерти. Я сохраню тебя, ты станешь жемчужиной моей коллекции.

Так все остальные картины... Это женщины, живые женщины, которые заперты там?

Я всегда знал, что ты умная девочка.

А... а что будет, если я откажусь?

Хм, дай-ка подумать... Что случается со смертной, которая рискнула разделить ложе с демоном? — Данила, если я теперь вообще могла его так называть, притворно закатил глаза, будто, и правда, задумался, — Ты умрешь. Медленно и мучительно. Сойдешь с ума, продолжая желать меня, понимая, что ни один мужчина не сможет дать тебе того, что даю я.

Проклятие, он был прав! Я понимала это даже сейчас — одна мысль о разлуке с любовником отдавалась болью во всем теле. Данила тем временем сжал мое лицо в своих ладонях и прошептал:

Но я не позволю этому случиться. Жаль, если такая изысканная красота пропадет. Я сохраню тебя для себя, навечно.

Мое сердце забилося чаще, и хоть я понимала, что эти слова вряд ли походили на признание в любви, собственнические нотки, прозвучавшие в его голосе, давали мне

надежду.

Считайте меня слабохарактерной влюбленной дурочкой, но я уже не могла представить себя без этого мужчины. Он был словно одержимость, наваждение, я не могла думать ни о чем другом, лишь он занимал все мои мысли. Пусть он будет хоть самым Дьяволом, я останусь с ним и сделаю все, чтобы находиться рядом как можно дольше. Прижимаюсь к его губам, поцелуем показывая свою покорность. Данила подхватывает меня на руки и медленно опускает на кровать, раздвигает ноги, накрывая мое тело своим, заставляя забыть обо всем на свете. И я растворяюсь в его порочных движениях, пока не остается ничего, кроме чувственного голода, который мы оба пытаемся утолить. Я шепчу откровенные признания, кричу, умоляю, чувствуя, как Данила резкими толчками врывается в мое изнывающее от желания тело, пока неконтролируемое наслаждение не взрывается глубоко внутри, обжигаящей волной.

Моя, — рычит, уткнувшись в шею, впиваясь зубами в нежную кожу, будто выжигая клеймо. А я лечу в бездну, ощущая себя самой счастливой женщиной на свете.

***

Я проснулась перед самым рассветом. Обессиленная, уставшая от плотских утех.

Одна мысль не давала мне покоя, терзая разум. Она мешала спать, раз за разом напоминая о себе. Поднявшись с кровати, я тихо вышла из спальни, направляясь в комнату, где Данила хранил свою коллекцию.

Я долго стояла, вглядываясь в портреты женщин, которые когда-то были любовницами моего мужчины. Наверное, он испытывал к ним привязанность, раз решил запереть в этих холстах, навсегда оставив при себе.

Я зажмурилась, чувствуя, как дикая, сродни совсем недавно испытанной мною страсти, ревность накрывает с головой, опуская на дно безумия. Я не хочу быть жемчужиной, я хочу быть единственной в ЕГО коллекции.

Спустя пару минут я уже зажигала огонь, равнодушно взирая на испуганные глаза моих соперниц, устремленных на меня с полотен.

Ника, — услышала я негромкий оклик позади, обернулась и увидела в дверях Данилу.

Ты понимаешь, что они живые? Ты погубишь их души, уничтожив картины.

Мне было плевать, наверное, я сошла с ума, но необходимость быть единственной женщиной в его жизни была сейчас для меня превыше всего. Когда я поднесла зажженный фитиль к одному из холстов, пламя вспыхнуло, опаливая мою руку, будто все вокруг было пропитано бензином.

Я не поняла, что произошло потом. В следующее мгновение я уже стояла прижатая к крепкому телу Данилы, глядя со стороны, как пылает особняк, озаря заревом пожара все вокруг.

Моя Лоа, — шептал возлюбленный, зарываясь пальцами в мои волосы, покрывая нежными поцелуями лицо.

Я знал, что ты отличаешься от всех остальных, но не думал, что окажешься настолько безжалостной и хладнокровной. Женщина, не уступающая мне ни в страсти, ни в жестокости. Моя нареченная — Лоа.

Я толком ничего не понимала из его слов, лишь отдаленный смысл долетал до моего сознания. Я смотрела влюбленными глазами на Данилу, на его лице играли отблески пламени, а глаза были черными, как душа дьявола, но, несмотря на это, он был для меня самым желанным мужчиной на земле.

S

После ужасного пожара, полностью уничтожившего загородный особняк Данилы Покровского, известный московский художник купил дом с огромным участком земли на Гаити. Сообщив прессе, что навсегда покидает Россию, Данила незамедлительно отправился за границу со своей молодой супругой — писательницей, ведущей колонку светской хроники в модном журнале.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Барон Самеди (гаит. креольск., фр. Baron Samedi) — в религии вуду одна из ипостасей Барона (Baron), связанное со смертью, мёртвыми, а также с сексуальностью. Барон Самеди изображается в виде скелета в чёрном фраке и чёрном цилиндре (одежда похоронных дел мастера). Считается, что человек, в которого вселился Барон Самеди, проявляет неводержанность в питье и пище, курении и сексе. У него есть жена Мама Бриджит (Лоа). Мама Бриджит и Барон Самеди — мать и отец, которые преобразовывают души мертвых в переходных существ (поскольку они находятся между жизнью и окончательной смертью).